

Ник. Мих. Овсянников — это старый Силен, лысый совершенно, с гадко прищелпывающим языком между редкими зубами, из которых один, самый передний, выпал.

Шишков (рассказ его самого об обеде в 25 коп., данном в Сибири Попову, не одному из саратовских, а совершенно другому); (рассказ о том, как он, начитавшись Чичикова, захотел, как он, объездить несколько губернских городов в надежде где-нибудь найти выгодное место и как тут пропил свой домик, свою корову и козу; как умилительно говорит о том, как в то время, когда они жили вместе с этим Поповым, всем слугам велено было слушаться его Александры, которая была высокого ума и души женщина, и как сам Попов глубоко уважал ее); человек, весьма много напоминающий собою (ein archifrommer Mann*) Матвея Ивановича, весьма много, весьма много, даже лицо обделалось на один лад, не говоря об одинаковости манер и обращения с людьми, так что это внушает мысль о том, как много сходства, доходящего почти до тождества и в физической внешности, развивает между двумя людьми внутреннее сходство направления.

ДНЕВНИК В САРАТОВЕ

25 ноября 1852 г., 8¼ час. после чаю, перед ужином. — Голова показалось мне, что тяжела, поэтому от нечего делать стал перебирать бумаги, нашел дневник перед отъездом из Петербурга и вздумал продолжать.

И продолжать начинаю в обстоятельствах, совершенно подобных тем, при каких начал: тогда молоденькая дамочка и теперь Катерина Николаевна.

Итак, начинаю со вчерашнего дня, чтоб не дать изгладиться свежим впечатлениям, потом переберу и другие стороны своей саратовской жизни.

С августа или сентября прошлого года, давая уроки у Кобылина его сыну, я не бывал в его семействе и не поздравлял его на именины оттого, что не хотел еще бывать в саратовском обществе. Наконец, вскоре после пасхи (нет, не оттого собственно я не бывал, а оттого, что не смел показаться, не зная, как меня примут; но вместе и нежелание являться в обществе было тут) было у них какое-то торжество, — должно быть день рождения Николая Михайловича, и меня пригласили. У меня не совсем прошел флюс, все-таки я собрался, с большими хлопотами. Когда вошел в залу, там сидели... **, и Млн *** стоял у рояли, на которой играл Ми-

* Сверхнабожный человек. *Ред.*

** Неразборчиво — Малышевы? *Ред.*

*** Фамилия не разобрана. *Ред.*

хайловский. Я по обыкновению не знал, что делать, но подошла сама Анжелика Алексеевна и сказала, чтоб я шел в залу, и там я сидел неподвижно; однако, Николай Михайлович удостоил меня чести, что сел вместе со мною и рассказывал свои анекдоты, обращаясь ко мне, что я, конечно, весьма ценил, но был по обыкновению скромн, как баран. Обедал — это все еще ничего; после обеда, благодаря Сер. Гаврил., которая была тут одна из молодых *, я вступил в разговор: не знаю, про что-то спросили меня, и я должен был отвечать и удостоился таким образом чести в первый раз сказать несколько слов с Катериною Николаевною. Это было в зале у второго окна от рояли. Потом сели играть в вист — она, Сер. Гавр., я и Михайловский, и я помню, как дорого мне было это удовольствие, потому что она с первого раза мне понравилась, да и то, что они первые лица в Саратове по своему положению в обществе, имело тут свое действие. Так это продолжалось до 10 часов, и помню, что первый разговор был о Святогорце и Муравьеве, о котором я сказал, что он может в 3 минуты положить 97 земных поклонов и что на этот фокус собираются смотреть по билетам. Я помню, как я считал себя тогда обязанным Сер. Гавр. за то, что через нее получил я честь сидеть подле Катерины Николаевны и играть с нею в карты. Я помню, как мне хотелось, чтобы Катерина Николаевна всегда выигрывала, и как я старался выиграть, когда играл с нею, и проиграть, когда играл против нее. И я помню, что она всегда выигрывала и мне, может быть, сказала несколько слов, может быть как-нибудь иначе, но оказала (как и всем, конечно) внимание, и в какой я был радости от этого. И после этого я дня три только и видел ее перед глазами.

Но это была пока глупость, более ничего, потому что тогда я еще не знал ее; это было просто действие того, что еще в первый раз я был в обществе миленьких... ** (потом что Серафима Гавриловна, конечно, не очень хороша собою). Когда собрались ехать, Михайловский попросил меня взять его и поехать по Соборной площади, чтоб искать извозчиков, потому что была страшная грязь в полном разгаре, и, не найдя, я отвез его на Московскую улицу, где ему попался извозчик.

Итак, после этого я был под сильным (тогда, впрочем, еще глупым) влиянием Катерины Николаевны.

И я несколько времени бредил ею (только не придавайте этому слову уж слишком важного значения). И я с нетерпением ждал 9 мая, думая, что снова будет то же.

И я надел мундир ехать поздравлять Николая Михайловича и взял долгушу. Но увы! Меня не пригласили к обеду, как я надеялся, — потому, должно быть, что никого не приглашали. Это ме-

* Неразборчиво. Ред.

** Одно слово неразборчиво. Малышевых? Ред.

ня огорчило. Разрушило мои надежды на то, что увижу снова вблизи ее.

И после этого месяца 2—3 я не видел ее.

И помню, какую радость доставил мне следующий случай:

Я брал для Николая Ивановича «Revue des deux Mondes». Hans Jacob (это было, должно быть, скоро после пасхи, потому что была страшная грязь), встретясь со мною на улице, просил меня доставить ему ныне же одну из взятых мною книжек. И вот я сам явлюсь с ней, и вот я посижу у них вечер, и вот, может быть, я буду бывать у них! И я потащился за нею к Николаю Ивановичу и с биением сердца подъезжал к их дому. Но увы! Они мне встретились на крыльце — они выходили, чтобы ехать гулять, и вслед за ним шел Александр. И я помню, она мне сказала: «Вы к Саше? Он идет за нами». И потащился я с разрушенными мечтами снова домой.

Но когда же это было? Не знаю. Только после первого раза, как я у них был, и была еще грязь.

Но вот начинается и мое знакомство с ними.

Да, помню еще, как я был раз обрадован, когда, идя от них, встретился с Николаем Михайловичем между бульваром и их домом, — радовался случаю поклониться ее отцу.

Но вот начинается и мое знакомство.

И помню, с каким нетерпением я ждал, чтоб они переехали на дачу, надеясь, что буду ездить туда давать уроки и что, следовательно, нельзя, чтобы меня не оставляли там.

Анжелика Алексеевна уже раньше раз говорила мне, что я у них никогда не обедаю; этот раз она вышла к нам вниз, чтобы взять Александра с собою, и попросила меня кончить урок.

Но увы! Александр приезжал брать уроки в город!

Снова разрушились надежды.

Но, наконец, когда раз они поехали в город, в то время, когда у нас был урок, Анжелика Алексеевна вошла в кабинет, где мы сидели, и сказала мне, чтобы я приехал к ним на дачу, сказала определенно. Что у них фейерверки и чтоб я приезжал в воскресенье.

И, наконец, я решился.

И вот — господи, сколько сборов! — И, наконец, я умыт, одет и т. д., и т. д. — В этих сборах прошел час, — как часто после проходил, — и теперь проходит $1\frac{1}{2}$ часа.

Голова прошла совершенно, и я принимаюсь за свою работу. Теперь 9 часов.

1853 года, января 9, в $10\frac{1}{2}$ час. утра. Продолжаю. Не пошел в гимназию, чтобы обдумать и начертить устройство клапана, который заказывать должен я был ехать с Николаем Ивановичем в половине второго. Но, соображая, убедился окончательно, что машина не пойдет при таком устройстве (колесо с чечевицеобразными массами), потому что давление воды на входящую массу будет больше, чем вся сила колеса. Это меня так озадачило, что я

решился бросить все это (пока; может быть, после снова примусь, когда будут средства); если делать опыт, то в самом только простом виде — простое колесо, которому во всяком случае не будет мешать давление воды, и решился уничтожить все следы своих глупостей, поэтому изорвал письмо в Академию Наук, ту рукопись, которую некогда представлял Ленцу и которая все хранилась у меня, наконец, все чертежи и расчеты, относящиеся к моим последним похождениям у Николая Ивановича, и теперь сажусь продолжать.

Прежде всего описываю два последних случая.

Первый. 6 января, что было на ее день рождения. Я решился в этот день высказать ей свою любовь и какие тут мысли вертелись у меня в голове! Она весьма хороша, но не образована. Я предложу ей давать уроки; конечно, без платы. И я буду иметь потом удовольствие думать, что она обязана мне кое-чем все-таки. Я скажу ей: «Вам приходит время любить; может быть, вы в опасности выбрать недостойного; выберите же меня, потому что я люблю вас искренно, и эта любовь во всяком случае не будет для вас опасна». Я долго обдумывал, как говорить. Все было обдуманно. Хорошо. Конечно, меня оставили обедать. Подали закуску. Она отошла и села у окна, которое у дверей из маленькой комнаты. Я подошел с намерением просить ее на кадрили, но не решился бы, может быть; она сама сказала: «Николай Гаврилович, скажите что-нибудь». — «Я собирался просить вас на кадрили». — «Так рано?» — «После не успеешь». — «Извольте, четвертую, потому что три первые я обещала». — «Еще?» — «Может быть, и четвертую не будут танцевать». — После обеда я оставался там, была и Сераф. Шапошникова, и было весьма скучно, потому что я ничего не мог придумать, чтобы сказать, и, наконец, она стала учить танцевать маленькую девочку, которая иногда бывает у них. Наконец, явились и гости; наконец, вот и гости (двое Юрасовых, Свечина, Стефани). Иван Иванович хотел ехать в театр, я главным образом его удерживал. Первую кадрили я танцевал с Олинью, которая продолжала сердиться и не говорить ни слова, вторую я играл, третью танцевал с Шапошниковой и защищал Юрасову, которая поругалась с Иваном Ивановичем. Наконец, вот и четвертая кадрили. Я подхожу, она говорит: «Я думала, что вы забудете» (коккетство это было или нет?). Я старался сесть вдоль, чтобы сидеть одним и чтобы некому было подслушивать. И вот во время первой фигуры я начал: «Катерина Николаевна, прежде всего, я должен сказать, что я говорю серьезно и совершенно искренно. Для меня чрезвычайно трудно сказать то, что я решился, наконец, сказать. Но я все-таки скажу... Никогда я не позабуду того расстояния, какое есть между вами и мною...» — «С кем вы танцуете следующую кадрили? Танцуйте с Софьей Юрасовой. Полубезничайте с нею» (это было сказано таким голосом, каким обыкновенно отклоняется разговор, который не хотят продолжать). — «Я не люблю говорить того, что не думаю». — «Только

смотрите, не задевайте ее, она вам наговорит дерзостей», и т. д. — откуда взялись слова, так что во все время 2 и 3 фигур она мне не дала сказать ни слова, все говорила сама. Во время 4 фигуры вошел свинья Шомполов и подошел к ее стулу, у которого стоял и во время 5 фигуры, подошел Алекс. Никол. к Шомполову, и у них продолжался разговор, во время которого я не мог поймать ни минуты, чтобы сказать ей, что я буду продолжать. По окончании 6 фигуры она сказала: «Благодарю; шена мы не будем танцевать», и отошла налево к каким-то дамам, которые тут сидели. Но шен был, и мы, конечно, сделали его с нею. После этого она в продолжение вечера нисколько не изменила своего обращения со мною, — так же сажала меня за кадрили, так же говорила, не сумею ли я сыграть польки.

Что это такое значит? Поняла она, что я хотел сказать, или нет? Конечно, поняла, иначе не прекратила бы разговора, не отошла бы после шестой фигуры в сторону, хотя всегда танцуют у них шен. Итак, поняла. Прекратила — значит, не хотела дослушать. Так же нецеремонна в своем обращении — значит, не конфузится. Что же, наконец, это такое?

Ныне или в воскресенье буду у них и буду искать случая переговорить с ней об этом.

Второй. Вчера, в четверг, в Собрании. Был назначен концерт любителей. Играли увертюру из «Фрейшица» и «Вильгельма Телля»²¹⁸. Для последней решился я быть там. Отправился вместе с Николаем Ивановичем, которого я уговорил. Итак, мне нельзя было оставаться на бале, который был после концерта. И вот ждал их и дождался. Она и мать сидели на первой стороне в 1 ряду, и я взобрался на подмости для оркестра, чтобы видеть их. Она несколько раз, кажется мне, взглядывала на меня. Я более всего смотрел на нее и любовался по обыкновению (хотелось прибавить для очищения себя от насмешек за неудачный выбор. — и старался критически рассмотреть вопрос, хороша ли она или нет; вчера показалась хороша и в профиль). Когда она взглядывала, я переводил глаза, не торопясь, впрочем, на других. И у меня было чувство: останутся ли они на бале? И если останутся?? Со мною, верно, она не будет танцевать, да и я не посмею просить ее на кадрили. И у меня было что-то вроде полузависти, полуревности, что я не буду с ней, а другой будет.

«Вильгельм Телль» приводит меня в восторженное состояние, и когда мы после поехали к Николаю Ивановичу и говорили за шахматами о нем, у меня выступали слезы от волнения. И я чувствовал и во время музыки, и после, что в случае и я оставляю свою вялость, нерешительность.

Иду покурю и снова писать.

Итак, продолжаю прежнее.

Вот я, наконец, на даче (хлопоты с билетом и как мне не хотелось терять денег). Они сидели уже в 1 ряду на правой скамье. Я не посмел подойти к ним...

Нет, принятаться сочинить повесть, чтоб рассказать ей. Вероятно, вечером буду у них. Нет, ничего не могу делать, потому что расстроен разговором о том, что следует еще дать денег А. И. М[алышеву] для Николая Дмитриевича, чтоб получил он место. Маменька не хочет *.

ДНЕВНИК МОИХ ОТНОШЕНИЙ С ТОЮ, КОТОРАЯ ТЕПЕРЬ СОСТАВЛЯЕТ МОЕ СЧАСТЬЕ

Марья Евдокимовна ²¹⁹ будет именинница завтра, поезжай, по-здравь ее», — сказали мне наши. Она именинница 26 января, понедельник.

И я поехал. Меня пригласили на вечер. Этого мне и хотелось, потому что я было начал любить волочиться после первого опыта, на вечере у Шапошниковых.

И вот там Палимпсестов (2) **, и вот приехали Катерина Матвеевна Патрикеева и Ольга Сократовна Васильева. Невеста их встретила, и они стали среди залы. Я ангажировал их. Невеста танцевать со мною не хотела. Катерина Матвеевна сказала, что танцует со мною 4 кадрили, Ольга Сократовна — третью. Я слышал о ней от Пескова на вечере у Шапошниковых (где он был переодетый старым приказным), что она раз, поднимая бокал, сказала ему: «за демократию». Я был так простосердечен, что принял это не совсем на шутку. (Да и вижу, что, может быть, не совсем шутка, хотя, может быть, не в моем смысле, — 7 марта.) О чем было говорить? До третьей кадрили я увидел, что она девушка бойкая и что с ней можно любезничать. Две первые кадрили я не танцовал, сидел с Ростиславом.

«О чем нам говорить? Начну откровенно и прямо: я пылаю к вам страстною любовью, но только с условием, если то, что я предполагаю в вас, действительно есть в вас».

Мы сидели в это время на диване, который стоит налево от дверей из передней, она на стуле, я на красном диване (рояль была вынесена куда-то, играли музыканты) почти в углу, так что должно было проходить почти подле стульев. Тут сидела Катерина Матвеевна. Проходя во второй фигуре, Ольга Сократовна подошла к ней. — «Что вы сказали ей?» — «Вы хотите знать?» — «Непременно». — «Я сказала, что Чернышевский очень мил». — И разговор продолжался в этом роде. Пылкие объяснения и уверения в их искренности с моей стороны, шуточные ответы на это с ее стороны — что и она влюблена в меня, если так (8).

* Далее в записях перерыв до 4 марта. Дневник своих отношений с О. С. Васильевой, начатый 19 февраля, Н. Г. Чернышевский вел особо.

** К этой и следующим цифрам в скобках относятся «Дополнения к моему дневнику о той, которая теперь составляет мое счастье», прибавленные Н. Г. Чернышевским 7 и 14 марта. См. ниже.